

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Бондарко Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка М Языки славянской культуры 2002 736 с

Примечательной чертой жизни нашего лингвистического сообщества стала сегодня возможность доступа к лучшим трудам тех ученых которые формировали и в значительной степени определяли основные направления в развитии отечественного языкознания В сериях "Языки славянской культуры", *Studia philologica*" и др отобраны и изданы научные исследования, которыми мы можем гордиться и которые представляют собой значительные достижения современной лингвистики как в области теории языка, так и в сфере описания тех или иных языковых явлений. Среди книг этого рода монография А.В. Бондарко заняла свое достойное место, подводя итоги его плодотворной деятельности в последней четверти XX в. и демонстрируя широкий круг его научных интересов

Каждая из семи частей книги заслуживает не только беглого упоминания, но и специального анализа, ибо все они, исключительно важные по своей тематике и глубине ее изучения, соответствуют актуальным проблемам современной лингвистики, и нам жаль, что в небольшой рецензии мы не можем рассмотреть их с той степенью подробности, как бы нам хотелось. И все же для более полного представления о рецензируемой книге без анализа каждой части обойтись невозможно. Более того, думается, что каждый из семи разделов книги служит по-своему раскрытию общего замысла монографии – разъяснению роли понятия значения и его определения в функциональной грамматике, притом в той ее версии которая была создана А.В. Бондарко и плеядой его учеников и последователей

Как подчеркивает автор в начале книги, свою роль он усматривает в том, чтобы всесторонне осветить проблему языковой интерпретации мира (в его терминах "языковой категоризации семантического содержания"), то есть,

по всей видимости, того мыслительного содержания, которое, отражая опыт взаимодействия человека с действительностью, объективируется затем в конкретном языке в виде особой совокупности реализуемых значений языковых единиц и различных конструкций этих единиц.

Таким образом, можно полагать, что и в поставленной автором проблеме выделяется главный ее аспект – извечная загадка соотношения мыслительного содержания с его языковым воплощением, с его преломлением в языке и, как следствие, с его языковой интерпретацией. Именно к такой трактовке замысла книги нас подводит уже его *первая часть*, содержащая материалы историографического плана, но фактически направленная не только на изложение взглядов крупнейших представителей отечественного языкознания (от А.А. Потемни, Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртене и др до Л.В. Щербы, И.И. Мещанинова и В.В. Виноградова, что, безусловно, ценно и само по себе), но и на то, чтобы выдвинуть положение о развитии во всех их работах такой фундаментальной идеи, как идеи вычленения собственного языкового содержания и его соотношения с содержанием мыслительным" (с. 15)

Рассмотрение взглядов отечественных ученых должно, по мнению А.В. Бондарко, подготовить читателя к восприятию той концепции языкового содержания, которая развивается далее на протяжении всей монографии но которая в концентрированном виде выступает во *второй части книги*, где она получает название Стратификация семантики"

В значении языковых форм и категорий последовательно выделяется универсальная смысловая основа и идиоэтнический интерпретационный компонент. Поставленная ученым еще в монографиях 70-х годов, данная

проблема в связи с новой, интегрирующей, научной парадигмой в работах 90-х годов и в рецензируемой монографии получила новое осмысление. Развивая идеи С. Д. Кацнельсона о содержании языковых форм как амальгаме универсальных и идиоэтнических функций, А. В. Бондарко в языковом значении вычленяет универсальную **смысловую** основу и идиоэтнический **интерпретационный** компонент как способ представления смысла, определяемый данной языковой формой. "Смысловая основа содержания высказывания не дана в 'чистом виде" Проходя сквозь призму языковой формы, передаваемый смысл всегда получает ту или иную языковую интерпретацию" (с. 109). "Интерпретационный компонент составляет специфику именно данной формы, данного комплекса языковых средств, данного высказывания" (с. 108).

Вопрос о соотношении значения и смысла А. В. Бондарко связывает с проблемой синонимии, или же, скорее проблемой смысловой эквивалентности языковых единиц, демонстрирующих явное сходство по своему содержанию, но репрезентирующих разное видение объекта или описываемых ситуаций говорящими на данном языке (ср. разное решение этих вопросов в работах Ю. Д. Апресяна, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой и др.) Именно в этом отношении намечаются известные точки соприкосновения позиции автора как с когнитивными исследованиями (и в частности с таким понятием, как "конструирование мира – the construal of the world), так и с исследованиями языковой картины мира (ЯКМ), то есть с исследованиями, выполняемыми с антропоцентрической точки зрения, или в антропоцентрической парадигме знания. И остается сожалеть, что эти параллели ускользнули из поля зрения автора как при изложении соответствующих взглядов, так и при освещении истории вопроса. В дальнейшем мы коснемся этих параллелей.

Предлагаемый в монографии вариант стратификации языковой семантики позволяет найти точки соприкосновения между некоторыми противопоставляющимися в последнее время лингвистическими теориями, в частности между денотативно ориентированными семантическими описаниями и когнитивными исследованиями семантических структур (в их соотношении с ментальными структурами носителей языка и с особенностями восприятия мира представителями того или иного этноса). В работе А. В. Бондарко идиоэтнический интерпретационный элемент языкового значения связывается не с говорящей личностью и психологическим опытом человека и этноса, а с системно-структурной организацией содер-

жательного плана языковых категорий и форм. Содержание, выражаемое формальными средствами, всегда выступает в той или иной языковой интерпретации как прошедшее сквозь призму системы и структуры данного языка, сквозь призму языковой формы (с. 109, 117–119), то есть в качестве **интерпретатора** здесь выступает не человек, не этнос, а сам язык, который по своей природе не различает экстралингвистическую и психологическую реальность, ср. [Падучева 1996: 5].

В отечественной лингвистике уже неоднократно высказывалась точка зрения, что разные подходы к анализу языковой семантики – с одной стороны, антропоцентрический, этноцентрический, с другой – системноцентрический, не должны противопоставляться. Трактовка интерпретационного компонента в работе А. В. Бондарко в известной степени снимает такое противопоставление. Зафиксированные в разных языках различия мировосприятия описываются на сугубо лингвистических принципах, что дает основание А. В. Бондарко говорить об интерпретационных элементах значения, порождаемых самим языком¹, без обращения к таким понятиям, как ЯКМ, наивная модель мира, а также к дискуссионным проблемам национального менталитета, языкового сознания, культурных концептов. Но при таком подходе остается в стороне вопрос о взаимосвязи интерпретационных компонентов и их объединении в целостную картину. Меж тем исследования ЯКМ показали, что отраженные в разных языках различия мировосприятия носят системный характер, что в частности проявляется в существовании в ЯКМ своего рода семантических доминант, т. е. некоторых фундаментальных идей, категориальных концептов, выражаемых разными средствами и представляющих собой семантическое микрополе, хорошо разработанное и тонко дифференцированное в том или ином языке.

Некоторые компоненты языковых значений, выражаемые разными средствами, в частности значение начинательности, по мнению автора, может относиться как к смысловой основе, так и интерпретационному компоненту (с. 114–116). Рассмотрим этот вопрос подробнее. В первом случае начинательность выступает как элемент смысла высказывания, связанный с коммуникативными намерениями говорящего (ср.: *Начал строить*

¹ При этом роль говорящего как активной языковой личности в выборе той или иной интерпретации обозначающей ситуации в его дискурсивной деятельности не рассматривается.

дом, но так и не достроил. Снова начал курить). Интерпретационная же начинательность обусловлена характерными для русского языка тенденциями представления наступления действия в цепи последовательных завершённых фактов в прошлом – с обозначением границ данного действия, как правило его начала Ср *Усталость и рассеянность его исчезли он встал и решительно заходил по горнице Потом остановился и, краснея сквозь седину стал говорить* (с 115) Сочетание в этом предложении претеритальных форм разных видов маловероятно ? *он встал и решительно ходил по горнице остановился и говорил*, тогда как в чешском языке (который упоминается на с 115 в связи с работами Св Иванчева) при обозначении цепочки сменяющих друг друга действий в прошлом не только допускается, но и является обычным, стилистически нейтральным выделение одного из звеньев этой цепочки и представление его как процесса глаголом НСВ без актуализации временных границ Конечно, это не значит, что претеритальные формы НСВ в русском языке вообще не могут передавать этап повествования, одно из сменяющих друг друга действий – могут, но, как правило, либо в стилистически маркированных текстах, либо при определенных контекстных условиях, например, при лексической поддержке таксисных ориентиров типа *начала, потом, после этого*, а также при помощи обстоятельств *долго, целый час* и др Ср *Когда гости ушли, Лара долго проветривала, подметала комнаты мыла на кухне посуду Потом быстро разделась потушила лампу и легла* (Б Пастернак) Обозначение деятельности и действий, сменяющих друг друга на линии повествования, без такой контекстной поддержки формами прошедшего времени НСВ в русском языке обычно стилистически не нейтрально (ср пример из Повести непогашенной луны' Б Пильняка *Однажды звонил телефон он слушал и ответил*), при близкает повествование к былинному стилю (ср. *Натягивал скоренько свой тугой лук / Стрелял во Соловья Рахманова / Стрелял он ему в правый глаз / Сва шлся он Соловеем с сорока дубов* [Потебня 1977 34–44]), об употреблении претеритальных форм НСВ в значении стилистически маркированного сказового действия см [Гловинская 2001 187–191]

Высокую степень обязательности выражения начальной границы деятельности или процесса включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов с приставками *за-* и *по-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать, стать*, А В Бондарко рассматривал в своих

публикациях 90-х годов (см., например, [Бондарко 1994]) с связи с проблемой снижения интенциональности грамматических значений, т е снижения обусловленности их выражения коммуникативными намерениями говорящего (в новой монографии этой проблеме посвящена 2 глава II части) Мы хотели бы подчеркнуть, что в данном случае пониженной интенциональностью и возрастанием обязательности выражения характеризуется не грамматическое значение, а значение, выражаемое словообразовательными или лексическими средствами, т е здесь можно усмотреть определенную степень грамматикализации смысла 'начало' действия Это вполне отвечает той значимости, которая придается смыслу 'начать' в определении содержательного инварианта СВ в целом ряде аспектологических работ, см [Wierzbicka 1967, Гловинская 1982, 1998], а также представлению семантической доминанты аспектуальной системы русского языка при помощи понятия предела как временной границы действия [Петрухина 2003]

В целом же необходимо отметить, что выделение интерпретационного компонента значения в трактовке А В Бондарко позволяет выявить тончайшие расхождения в семантике аналогичных единиц различных языков, в частности славянских

Фундаментальность семантической теории, разработанной А В Бондарко, проявляется в том, что она своими истоками уходит в лучшие философские и лингвистические традиции мировой науки, связанные с идеями В фон Гумбольдта и А А Потебни о понятийной основе языковых категорий, которые в трудах А В Бондарко обогащаются функционально-грамматическими принципами и представлениями С этой точки зрения семантическая теория А В Бондарко представляет собой, по существу, один из вариантов многоуровневой теории значения, разработка которой считается во всем мире наиболее актуальной задачей современной лингвистики Не ограничиваясь анализом собственно языковых значений, автор внимательно проследживает соотношение понятийного и языкового уровней репрезентации знаний, рассматривает их взаимодействие в процессе формирования языковых значений, и это, в частности, находит свое отражение в теории функционально-семантических полей, в способах стратификации семантики, в авторской интерпретации интенциональности грамматических значений, соотношения значения и смысла, инвариантности и вариативности, языка и речи (системы и среды)

Вклад А В Бондарко в теорию значения можно, однако, связать не только со стратифицированным представлением семантики

языковых единиц, но с особым вниманием к разграничению ролей контекстуальной ситуативной и энциклопедической информации в процессе формирования смысла высказывания и, наконец, в-третьих, с понятием интенциональности. Этому понятию специально посвящается **третья часть** книги

Считая целесообразным для полной характеристики языкового значения в высказывании и целостном тексте ввести понятие интенциональности, А.В. Бондарко утверждает при этом особую его связь "с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности" (с 141). Он видит ее проявления прежде всего в функциональных потенциях самих грамматических значений (вида времени, залога и т.д.) и в реализациях этих потенций в высказывании (с. 144). По его мнению наиболее интенциональны те категории, которые охватываются понятием предикативности, – модальности, темпоральности, временной локализованности, персональности и т.п. (с 151), а само понятие интенциональности помогает уточнить конкретные проявления связи значения языковых форм и их смысла (с 156). Но хотя, действительно для каждой языковой формы и можно наметить некие семантические функции, предопределяющие ее выход в смысл", как об этом пишет А.В. Бондарко, вряд ли можно согласиться с тем, что "интенциональность может рассматриваться как свойство языковых значений разных типов – как лексических так и грамматических" (с 141). Кажется скорее, что интенциональность – это не столько свойство языкового значения, сколько свойство говорящего, при учете которого можно понять **выбор им той или иной языковой формы, единицы или конструкции**. Это конституирующая черта языковой способности человека, позволяющая ему согласовывать используемые или вновь создаваемые формы с собственными намерениями, установками, и, конечно, знаниями (в том числе и знаниями конвенциональных значений используемых форм и допустимых пределов их варьирования)

Часть четвертая "Категоризация семантики в системе инвариантности / вариативности" продолжает развитие идей, выдвинутых и защищаемых в предыдущих частях книги и уточняет некоторые из них за счет противопоставления во всех системных объектах такого признака или комплекса признаков, "который остается неизменным при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием исходной системы с окружающей средой" (с 159), тем "дополнительным" признаком, которые приобретаются объектами, притом как в системе языка, так и в речи

(ибо и в системе существуют некие "типичные языковые реализации, отражающие закономерности их функционирования", см с 160)

Подробно осветив концепцию Р. Якобсона об относительной инвариантности значения языковых форм, А.В. Бондарко считает необходимым не ограничиваться при анализе проблемы инвариантности и вариативности описанием системных признаков грамматических категорий, категориальных и некатегориальных значений, взаимодействия лексики и грамматики, системы и среды и обращается к понятию прототипа, рассматривая прототипы с позиции системы вариативности. Автор определяет прототип как "эталонный репрезентант, эталонный вариант определенного инварианта среди прочих его представителей" (с. 265) усматривая основное отличие инварианта от прототипа в том, что инварианты часто не являются интенциональными, в то время как прототипы в сфере семантики по своей природе интенциональны и неразрывно связаны с актуальным сознанием участников речевого акта. Интеграция принципов инвариантности/вариативности и прототипического подхода А.В. Бондарко иллюстрирует на примере анализа временного дейксиса и перцептивности (с 266–285)

В этой же части книги читатель найдет интересные соображения автора об общих и основных значениях грамматических форм о реализации ими их собственного категориального значения, о роли транспозиции в определении статуса этого значения в системе языка. Но, пожалуй, особого внимания здесь заслуживают соображения автора о взаимодействии системы языка с той средой, в которой данная система функционирует, когда исследование "приобретает объяснительную силу если изучение внутрисистемных отношений дополняется анализом отношений между системой и ее средой" (с 195). Лишь с этой точки зрения могут быть установлены более адекватно все свойства грамматической категории, их системные признаки коррелятивности, вступление грамматических категорий в оппозиции и выражение ими неопозитивных различий, обязательность грамматических категорий и т.д. вплоть до определения места грамматической категории в связи с противопоставлением в системе языка ее ядра или центра, и ее периферии (с 263). Именно для характеристики этого противопоставления имеет смысл рассмотреть понятие категории в "лучших примерах", то есть привлекая к ее анализу понятие прототипа, а также вариантов перцептивности (с 273 и сл.). Все это позволяет в конечном итоге выявить "категоризацию семантики" в данном языке. В книге

она подробно описывается и в следующих главах, посвящаемых уже более конкретно рассмотрению материала русского языка

Самостоятельной, по существу, теорией в рамках рассматриваемой авторской концепции значения является грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, представляющая собой модель функциональной грамматики, которая связана с изучением системы семантических категорий в их языковом выражении. Этой теории посвящается четвертая часть книги. Концептуальным основанием теории служит треугольник "семантическая категория – функционально-семантическое поле – категориальная ситуация". Предлагаемая модель функциональной грамматики также строится на нескольких принципах. К числу важнейших А В Бондарко относит принцип единства грамматики, т.е. единства ее структурных и функциональных аспектов, ее системно-языковых и речевых элементов, и системно-интегрирующий принцип анализа функционально-семантическое поле (ФСП) как система интегрирует разноуровневые средства на базе общности их функций. Последнее, по мнению самого автора, определяет существенное отличие функциональной грамматики от традиционной ('урвневой') грамматики, которая в своей основе является системно-дифференцирующей (с 293)

Несомненно, сильной стороной предлагаемой модели функциональной грамматики является сочетание двух направлений анализа и описания языкового материала – исходно-семантического и исходно-формального. В то же время основной принцип построения грамматики, определяющий ее структуру и доминирующий тип описания языкового материала, связан с подходом "от семантики к средствам ее выражения". Именно этого принципа придерживается автор, рассматривая конкретные ФСП, что позволяет ему выйти за пределы 'простых и явных' языковых средств, традиционно изучавшихся грамматикой, и обратиться к изучению более сложных, разноуровневых средств в их взаимодействии. Наиболее иллюстративным примером такого взаимодействия разноуровневых средств может служить предлагаемый автором анализ поля временной локализованности (с 443–472). В то же время функциональная грамматика, по мнению А В Бондарко, требует и второго, 'от формы к семантике', типа описания, позволяющего ответить на вопрос, какие функции выполняет данная форма, как она функционирует (с 298).

Существенным с точки зрения целостности рассматриваемой теории значения представляется также разграничение таких поня-

тий, как грамматическая категория – "функционально-семантическое поле – "грамматическое единство", чему А В Бондарко уделяет пристальное внимание в связи с обсуждением вопросов системного анализа в сфере функциональной грамматики. Если грамматическая категория включается в состав ФСП как его центр, ядро (например, категория вида – центр поля аспектуальности), то грамматическое единство трактуется автором как понятие, охватывающее различные типы категорий и разрядов в сфере грамматики, например части речи. Это позволяет исключить какие-либо неточности, связанные с необходимостью использования одного и того же термина 'грамматическая категория' в более узком и более широком смысле. А В Бондарко также останавливается подробно на типологии грамматических единств и функционально-семантических полей.

Отдельная глава этой части посвящена категориальной ситуации как одному из основных понятий, на которых, наряду с ФСП, строится предлагаемая модель функциональной грамматики. По существу, теория категориальных ситуаций является продолжением и развитием теории функционально-семантического поля, поскольку она затрагивает вопросы реализации элементов того или иного поля в речи, в высказывании, закономерности и типы функционирования языковых единиц. Понятие категориальной ситуации вводится, прежде всего, для того, чтобы выделить в трактовке содержательного аспекта любого высказывания реализацию одной из семантических категорий в соответствующем ФСП и тем самым дать представление о типовых ситуациях, описываемых в конкретном языке. Особой составляющей такой ситуации является предикация. Несмотря на необычность самого термина категориальная ситуация, его использование оправдано тем, что он способен обозначать родовое понятие по отношению к конкретным, видовым понятиям как узальной, локативной и других ситуаций, связанных с отдельными семантическими категориями. При этом в понятии категориальной ситуации автор совершенно справедливо выделяет два аспекта универсально-понятийный и конкретно-языковой, подчеркивая тем самым ориентацию семантического содержания на конкретный язык.

Весьма важными представляются и теоретические размышления А В Бондарко о функциях языковых единиц (и в частности, о разграничении функций потенциалов и функций реализации), о значении и функциях, функциональном потенциале (с 339–356), что позволяет автору сделать очень тонкие и

точные замечания по поводу отличий, существующих между понятиями семантической функции и значения. Эти отличия, по мнению А.В. Бондарко, сводятся к тому, что семантическая функция, являясь более широким понятием, чем значение, охватывает не только собственные значения языковых единиц, но и речевые смыслы, в формировании которых значительную роль играют речевая ситуация и фоновые знания (с 342).

В своей новой книге (в пятой ее части) А.В. Бондарко продолжает исследование аспектуально-темпорального комплекса глагольных категорий как семантического единства, реализующего идею времени в языке (с 357–540). Основное внимание здесь уделяется категории аспектуальности и в ее рамках категории вида, новизна описания которой в монографии заключается именно в рассмотрении ее в более широкой системе данного комплекса.

А.В. Бондарко является последовательным сторонником инвариантного подхода к определению категориальной семантики видов. В его работах (начиная с публикаций 80-х годов XX в. и в настоящей монографии) категориальное значение совершенного вида определяется при помощи 'двупризнакового биннома', состоящего из взаимосвязанных и выступающих одновременно признаков целостности (Ц) и ограниченности действия предель (ОГР), причем в последних публикациях автором признается приоритет признака ОГР (с 370). Сопоставительные исследования аспектуальных систем славянских языков, проводимые в целом ряде работ отечественных и зарубежных славистов, показало необходимость учета обоих признаков, хотя признак Ц в аспектологической литературе подвергался наибольшей критике, в связи с его крайней абстрактностью и 'психологической неощутимостью'.

Подчеркнем, что видовые категориальные признаки не дублируют полностью семантические особенности глаголов СВ и НСВ, что усиливает интерпретационную доминанту семантики видов (ср с 369), а также определяет известную асимметрию между категориальной семантикой и синтагматическими свойствами глаголов СВ и НСВ (ср, например, с 499). Категориальные видовые признаки можно было бы считать нетривиальными семантическими (по аналогии с "нетривиальными семантическими признаками" типа 'стативности', которыми пользуется в своей лексикографической практике Ю.Д. Апресян), – они отражают определенные семантические свойства слова, но не дублируют их целиком [Апресян 1995: 30], с той лишь раз-

ницей, что видовые признаки относятся к области не 'скрытой', а 'открытой' грамматики, то есть опираются на грамматические формы и охватывают все глаголы.

А.В. Бондарко исходит из того, что "для языковой системы первичны признаки ОГР и Ц, заложенные в категориальном значении СВ" (с 414), на уровне же высказывания, как "проявление последствий предела" возникает признак 'возникновения новой ситуации' (ВНС) (с 415–127), который трактуется автором "не только в смысле 'что-то началось, наступило, стало иным' и т.п., но и в смысле 'кто-то что-то сделал, последовал ряд сменявших друг друга фактов', 'что-то произойдет' и т.п." (с 421).

Изучение различных направлений в аспектологии приводит нас к выводу, что к выявлению концептов, передающих категориальную сущность видов, можно идти разными путями: анализируя, с одной стороны, толкования глагольных значений ("смысловый", или лексикографический подход), а с другой – синтагматические свойства глаголов СВ и НСВ, во многом определяемые категориальными семантическими видовыми признаками ("признаковый" подход). Наибольшей адекватности языковому материалу можно, очевидно, ожидать от такого подхода к исследованию видовой семантики, в котором сочетаются оба типа анализа. Такому требованию, на наш взгляд, отвечает определение категориальной семантики видов на основе концепта 'предела действия как его временной границы', так как оно предполагает изучение реализации этого признака в значении глаголов СВ и НСВ в зависимости не только от внешнего, но и внутреннего, лексического, контекста. 'Предел' как временная граница ситуации может рассматриваться как "изнутри", со стороны самого действия (ср 'предел' в разных его интерпретациях, 'завершение действия', 'результат' и др.), так и "снаружи", с точки зрения отношения данного действия с другими смежными во времени ситуациями (ср. 'начало новой ситуации', 'начать', 'изменение' и под.). При этом в аспектуальных системах разных славянских языков наблюдается актуализация и категоризация разных сторон данного концепта [Петрухина 2003].

Рассмотрим еще один фрагмент конкретного описания употребления видов в монографии А.В. Бондарко. Категориально обусловленный запрет на сочетаемость глаголов СВ с фазовыми глаголами и на употребление в контексте актуально-процессного значения, в том числе при обозначении актуального настоящего в большинстве славянских язы-

ков соблюдается очень строго. Тем не менее, как отмечает А. В. Бондарко, в высказываниях, передающих ситуации актуального настоящего, возможно употребление глаголов СВ

- 1) *Посмотрите огонек то вспыхнет, то погаснет*;
- 2) *Не пойму, что он говорит*;
- 3) *Попрошу задержаться*.

А. В. Бондарко считает, что приведенные примеры ограничивают утверждение о неспособности рассматриваемых форм СВ выступать в функции настоящего актуального (с 499). Здесь позиции А. В. Бондарко сближаются с точкой зрения Г. А. Золотова, которая считает, что глаголы СВ вполне могут выполнять "имперфективную процессуально-воспроизводящую функцию", например, в таком предложении, как *Пес как прыгнет, завизжит* (ср. *Пес прыгает и визжит*) [Золотова и др. 1998: 403]. Но читателю не хватает анализа и объяснения отмеченных фактов в соотношении с категорией семантикой совершенного вида.

Подведем некоторые итоги. В небольшой этой рецензии было бы нереальным пересказать или прокомментировать всю массу глубоких идей автора, связанных с теорией функциональной грамматики и с осмыслением в ее рамках природы и типов грамматических значений. Было бы также сложным отметить по достоинству все то новое, что отличает эту монографию от уже опубликованного А. В. Бондарко прежде. Хотелось бы в то же время подчеркнуть, что именно собранные вместе и переработанные эти публикации предстали в монографии как части единого целого, единой и непротиворечивой системы взглядов, в которой каждой из составляющих дано четкое определение и подробное разъяснение. Монография, несомненно, позволяет по-новому взглянуть на место функциональной грамматики в грамматическом описании языков и еще раз задуматься над природой и типами грамматических значений. Бережное отношение автора монографии к нашим традициям, к современникам и предшественникам, интереснейшие экскурсы в историю языкознания, богатство материала, разъясняющего теоретические позиции автора, и безупречная логика изложения, заставляющая ощутить внутреннее единство всей книги, – все эти яркие

отличительные черты книги делают ее издание значительным событием – и не только в отечественном языкознании. Мы уверены в том, что она еще долго будет востребованной своими благодарными читателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю. Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Бондарко 1994 – А. В. *Бондарко*. К проблеме интенциональности в грамматике // ВЯ. 1994. № 2.
- Гловинская 1982 – М. Я. *Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1998 – М. Я. *Гловинская*. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Гловинская 2001 – М. Я. *Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Золотова и др. 1998 – Г. А. *Золотова*, Н. К. *Онипенко*, М. Ю. *Сидорова*. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Петрухина 2003 – Е. В. *Петрухина*. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб., 2003.
- Падучева 1996 – Е. В. *Падучева*. Феномен Анны Вежбицкой // Анна Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Потебня 1977 – А. А. *Потебня*. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. М., 1977.
- Wierzbicka 1967 – A. *Wierzbicka*. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. Paris, 1967.
- Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова,
Е. В. Петрухина